

В этом мире, когда Дзиро отошла от Кидзуки, чтобы вернуться к своим друзьям, девочка-страшилка презрительно сузила глаза, решив, что Дзиро смотрит на нее свысока, как будто она не заслуживает презрения.

В этом мире Киока Дзиро не была другом, а стала мишенью, тем более что Кидзука теперь считала, что не сдаст ее, как это сделали бы другие ученики, и, похоже, собиралась спокойно принимать ее легкие, случайные мучения. Их отношения становились все более токсичными по мере того, как затягивался второй год обучения в младшей школе, и Кидзука все больше узнавала о Джиро, часто подслушивая.

"Вау, ты так хорошо владеешь музыкальными инструментами, Кёка!" Одна из ее незначительных подруг при любой возможности осыпала музыкально одаренную девушку похвалами.

"Ты обязательно станешь великим музыкантом или певцом, как твои родители", - вклинилась другая подруга, добавив смущения Джиро.

"Да, но..." пробормотала Дзиро, тихонько постукивая по обоим концам разъемов наушников.

"В чем дело?" одновременно спросили ее друзья.

"Я не знаю, хочу ли я стать музыкантом или певцом после школы..." Дзиро призналась своим друзьям, а Кидзука сидел неподалеку и слушал. "Я... я очень хочу после школы поступить в университет и стать профессиональным героем".

Кидзука чуть не уронила свои вещи, когда друзья Джиро скандально уставились на нее и начали задавать бесконечные вопросы.

"Что сказали твои родители?" спросил один из друзей.

"Они... сказали, что поддержат мое решение, несмотря ни на что", - ответила Дзиро, опустив взгляд в пол. "Они так сказали, но... я просто не могу отделаться от чувства, что разочарую их, если выберу путь, который хочу".

Ах. Кидзука понимающе моргнул. Это объясняло самый большой страх Джиро: помимо низменных, первобытных страхов, которые она использовала, чтобы мучить себя, и личной неприязни к таким вещам, как нагота, больше всего она боялась разочаровать своих родителей.

Ее родителей, которые поддержали ее решение, несмотря ни на что. Кидзука кипел от зависти: у Джиро была кворка, которой она не стыдилась, и родители, которые не бросили ее, а наоборот, поддерживали ее, несмотря ни на что, и хотели, чтобы она жила свободно. У нее было много открытых путей.

Кидзука поставила себя рядом с ней для сравнения. Что было у нее? Причуда, которую ей постоянно говорили никогда не использовать, родители, которые отказались от нее, потому что, вероятно, не могли вынести мысли о том, что такая ужасная сила будет использоваться свободно, и никаких путей, которые не вели бы прямо вниз. Вниз, как, казалось, хотели все.

Кипящая зависть переросла в бурлящую ненависть. Она хотела стать героем, жить свободно, как герой. Больше всего на свете она желала именно этого.

Если этот неудачник с наушниками хотел стать героем, то она будет стремиться к этому с еще большей страстью, чем раньше.

"Кидзука, ты... не можешь быть серьезным".

Только она и ее учительница сидели друг напротив друга в мрачном конференц-зале. Это было всего лишь неофициальное родительское собрание перед началом второго семестра (в ее случае - собрание учеников), и официальные формы не будут выдаваться на Кореллии до весны следующего года, но все же это была возможность для учителей узнать, что их ученики хотят видеть в будущем, и помочь им по мере возможности.

Но это...

"Я хочу поступить в университет", - повторила про себя Кидзука. "Я хочу стать профессиональным героем".

"Кидзука, пожалуйста, отнесись к этому серьезно...", - учитель опустил очки. Он держал глаза закрытыми, как делали все учителя, когда разговаривали с ней. Он вздохнул в отчаянии, но девочка ничего не слышала.

"Я говорю серьезно!" закричала Кизука, поднимаясь на ноги в порыве гнева. "Я стану героем с моей причудой! И тогда я..."

"Ты глупая, глупая девчонка!" Учитель в столь же яростном порыве гнева поднялся на ноги и возвысился над Кидзукой, заставив девушку удивленно отступить назад. "Столько лет, а ты все еще не понимаешь!? Ты не можешь стать героем с этой... этой... твоей злой причудой!".

В комнате воцарилась гробовая тишина, не считая напряженных шагов учителя и ученика. Кизука яростно смотрела на мужчину, просеивая слой за слоем его разум и вызывая абсолютно все страхи, которые только могла найти, но... с закрытыми глазами он ничего этого не видел.

Ее яростный взгляд помутнел за пеленой внезапных слез. Кизука резко вдохнула, когда ее тело, разум и дух охватил прилив слабости. Она повернулась и, не оглядываясь, выбежала из кабинета, а учитель с сожалением окликнул ее. Но она не могла больше слушать его слова, он

был еще одним человеком, который отверг ее и ее мечты из-за ее причуды, и ей просто нужно было бежать, бежать, бежать дальше!

Она выскочила через парадные двери школы в дымку из бесчисленных дождевых капель, которая быстро скрыла ее форму от всех, кто мог бы попытаться остановить ее бегство из школы. Она смутно слышала, как из здания, где она бежала, ее звали по имени, но она заглушала этот звук грохотом бури над головой и паническими ударами сердца, бьющегося о ее грудь. Кизука держала лицо поднятым, когда мчалась сквозь дождь, позволяя каплям воды, брызгавшим на ее лицо, скрыть ее горькие слезы.

У меня нет злой причуды! кричала Кизука на бегу. У меня нет злой причуды!

Она бежала без цели и, конечно же, без желания остановиться, если ее ноги еще могут двигаться, бежала долго, пока ее одежда не промокла, а волосы не потяжелели на голове, превратившись во влажные, матовые нити, которые цеплялись за плечи и лицо.

Кизука остановилась только тогда, когда пересекла небольшой мост, примыкавший к смутно знакомому парку, который, как она помнила, она посещала раз или два, когда была моложе. Он был пуст и безлюден, лишенный какой-либо активности из-за бури. Она прислонилась к перилам моста, переводя дыхание, и посмотрела на бурные воды внизу. Загрязненные берега обычно тихого и спокойного ручья были расширены и изрезаны стремительными потоками воды, которые поднимались вверх, грозя перелиться в сам парк. Кизука облокотилась на перила, глядя на поток, и дождь бил по ее телу. Это нисколько не успокаивало ее - если и успокаивало, то только усиливало ее гнев и горечь.

Звук сирены, пронесшийся по пустынным улицам, заставил ее воспрянуть духом, и она сбежала с моста и бросилась через дорогу в лес вниз по течению от парка. Поначалу она заподозрила, что это полиция приехала, чтобы забрать ее за прогулы и вернуть в школу, но когда она выглянула из-за деревьев, то увидела, что сирены издавала машина скорой помощи, подъезжающая к парку, а не полицейский крейсер.

Тем не менее, она не почувствовала особого облегчения. Возможно, это была всего лишь машина скорой помощи, но Кизука не хотела оставаться здесь, чтобы посмотреть, не последует ли за ней полиция. Она повернулась и убежала с места происшествия, следуя за затопленным ручьем и стараясь уйти как можно дальше от парка.

Она не хотела сейчас находиться рядом с кем-либо.

Она бежала вдоль грязного берега, пока ее второе дыхание не иссякло, и, переведя дух, упала на руки и колени. Даже гнев не мог заставить ее идти дальше; он неизбежно перешел в яростную вялость, оставив ее обессиленной в грязи.

Кизука просто чертовски устала от наставлений, язвительных слов, изоляции, попирания ее мечты. У нее внезапно начались приступы рыданий, она схватилась за грудь и упала на бок, барахтаясь в грязи, а ее тело тщетно пыталось вырваться. Что она вообще пыталась извергнуть

из себя? Может быть, ее тело просто пыталось избавиться от отчаяния? Ее веки опустились, и даже в ее ярком воображении сны казались не ближе, чем в реальности.

"Дитя..."

Голос вызвал спазм, который вернул Кидзуку в сознание, и она вскочила на ноги, озираясь по сторонам в поисках голоса, который, как она клялась, слышала. Ощутимый рывок обхватил ее мозг, заставляя приблизиться к краю реки.

"Подойди ближе, дитя..."

Смущенная, но любопытная, Кидзука подошла к краю реки, не в силах объяснить, что заставило ее искать этот беззвучный голос, отдающийся эхом в ее голове. Подойдя как можно ближе, Кизука всмотрелась в грязный берег, сканируя его, пока не заметила красную вспышку, выбивающуюся из насыпи.

Она потянулась к предмету, снова почувствовав, что ее заставляют искать этот голос. Предмет - что-то вроде красного фолианта - был едва в пределах ее досягаемости. Она взяла книгу в руки, ощупывая помятую кожу и стирая грязь, которой она была покрыта. На обложке не было никаких слов. Она с любопытством посмотрела на книгу, предположив, что она, должно быть, была выброшена на берег бурным потоком воды.

"Ты... говоришь со мной?" спросила Кизука вслух, наполовину задаваясь вопросом, не впадает ли она в безумие.

"Ты хорошо сделала, что нашла меня, дитя", - тихо произнес голос, и Кизука осознала, что слова, казалось, проникали прямо в ее разум из самой книги. Ее любопытство стало неутолимым, и она начала осторожно открывать книгу, стараясь не порвать ни одной из залитых водой страниц, сканируя строку за строкой неразборчивого текста. "Я смог достучаться до тебя, в отличие от того мальчика, который был до тебя".

"Я не могу в это поверить..." пробормотала Кидзука, перелистывая страницу за страницей, пока голос говорил, и в конце концов остановилась на одном конкретном разделе с изображением большой, сложной руны или символа, который занимал всю страницу по ширине и длине. Здесь были и триветры, и четырехугольники, и овалы, формы, объединенные в сложную конструкцию, которая совершенно поразила ее воображение. "Как ты говоришь со мной?"

"Это моя тюрьма", - слова влились в ее сознание с гораздо большей ясностью. "Я смогла обратиться к тебе, потому что ты дал мне голос. У ребенка до тебя его не было. Я была без голоса... уже пять лет".

Голос? От нее? Кизука ломала голову, пытаясь разобраться в этом развитии событий. Как она могла дать этой книге или тому, кто был в ней, голос? Она только что лежала в грязи, отчаянно размышляя о своих снах...

"Да", - внезапно снова заговорил голос. "Твои сны. Это сила твоих снов снова дала мне голос. Только смертный с такими мощными устремлениями, как у тебя, мог совершить такой подвиг. И как уместно, учитывая один из моих многочисленных титулов..."

"Просто... кто ты?" прошептал Кизука.

"Я...", - голос сделал паузу на пару секунд, - "Король Снов".

"А теперь скажи мне, дитя, - продолжал Король Снов, - какие сны у тебя есть, которые настолько сильны, что могли бы восстановить даже мой голос?"

Это заставило Кизуку задуматься. Она замолчала на несколько мгновений, и голос тоже замолчал, от руны исходило терпение, не требующее немедленного ответа.

"Я..." начала Кизука, - "Я хочу стать героем".

Прошло еще одно мгновение. "Благородная мечта", - просто ответил голос, заставив Кидзуку сделать шаг назад в изумлении. Ответ был простым, без поощрения, но, что более важно, без пренебрежения или презрения.

Сухой всхлип сорвался с ее губ, заставив Кидзуку закрыть рот рукой, чтобы подавить все, что грозило последовать за ним. Всплеск эмоций не был для нее неожиданностью. В конце концов, никто и никогда не реагировал на ее сон подобным образом.

Но Кизука желала не только этого.

<http://tl.rulate.ru/book/55592/1525303>